

Алексей
Покотиллов

Стихи

За сколько
проданы печали?!

Алексей Васильевич Покотилов

За сколько проданы печали?!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397157

За сколько проданы печали?! Стихи / А.В. Покотилов: Алгоритм;

Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-21-3

Аннотация

Мудрейшие говорят: когда вы печалитесь, снова взгляните в свое сердце, и вы увидите, что воистину вы плачете о том, что было вашей отрадой. Так и с поэзией: она, печалуясь и скорбя часто передает нам то, что достойно радости и что эту самую радость приносило Творцу. Наверное в этом состоит суть новой книги стихов талантливого автора Алексея Покотилова с удивительно ироничным названием «За сколько проданы печали?!»

«Возможно ли рассказать о стихах, в которых живёт поэзия?» – спрашивает автор. И отвечает: «Возможно! Если прикоснуться к ним, открыв эту книгу...»

Содержание

«Я порой холодею от мысли...»	4
«Ворчит тромбон и плачут скрипки...»	6
«За прилежание души...»	8
«Уходит яростный февраль...»	10
«Высоту звенящего покоя...»	12
«В тишине забытых лет...»	13
«Сварливые чёрные птицы...»	14
«Тяжелый ветер прикасаний...»	15
«Вода ведёт и тихо тает...»	17
«Будто бы из милости...»	18
«Я уходил, себя не помня...»	19
«Ты придёшь ко мне этой ночью...»	20
«Ну сколько можно...»	22
«Ночь нашёптывает шорох...»	23
«В мойке чашка, в чашке ложка...»	24
«Пергамент сыра...»	26
«Я просыпаюсь – это я! ...»	28
«Славословим лабуду...»	30
«Светлый голос мостовых...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Покотилов

За сколько проданы печали?!

«Я порой холодею от мысли...»

Я порой холодею от мысли,
Чтобы жить без тебя довелось.
Ты себя в мои жертвы зачислив,
Свою жизнь на мою, как на ось
Прибулавила,
 пригубила,
Приголубила,
 как прижгла.

И теперь центробежная сила
Не расклеит наши тела,
Наши души и наши губы,
Повторяющие: «Будь всегда!»
В этом мире простом и грубом
Мы свои создаем города —
В них мы зодчие,
 в них мы жители,
В них наш голос
 и звук шагов,

Но они как мираж обители
В переулках больших городов.
Потому центробежатся мысли,
Покидая Земную ось...
Жаль, что жизнь в осязаемом смысле,
Только то,
 что прожить довелось!

«Ворчит тромбон и плачут скрипки...»

Ворчит тромбон и плачут скрипки,
Струиться кровь из тонких вен.
Снег на окне угрюмо липкий —
Апрельских просит перемен.
Но перемены не торопят
Ни солнце, ни ночной туман.
Секунды тонут в серых хлопьях,
На полке замер таракан;
В подъезде чьё-то бормотанье,
Да за окном писк воробья...
Пытаюсь разомкнуть гортань я,
Расклеив
 белых
 губ края,
Но март безжалостно недвижим,
И я — не я,
 но только слух.
Тромбон всё дальше, скрипки ближе...
Глоток, как вздох, протяжен, сух.
Кто это, пола не касаясь,
Ко мне приблизился, завис? —
...Мы полетели...
 тень косяя,

Уже моя,
метнулась вниз...

«За прилежание души...»

За прилежание души
К нам вдохновение нисходит,
И в тёмной вяжущей тиши
Звук прорастает, звук шуршит —
Листом белея на восходе.
На что разменяны года?!
За сколько проданы печали?!
Нам всё казалось —

мы в начале,

Мы не застрянем навсегда!

За прилежание сердец
К нам озарение слетает,
И – дрозд в мозгу,
в груди – скворец.

Но голос в панцире колец

Тускнеет,

вянет,

хрипнет,

тает...

Ни сердца тающий родник,
Ни прилежания души —
Не вспоминай в своей тиши, —
От них остался только блик,
И он уже вдали летает...

«Уходит яростный февраль...»

Уходит яростный февраль, —
Уже медлительность в снежинках,
И я, как будто пьяный враль,
Боюсь идти по хрупким льдинкам:
Я для себя замыслил мечь —
Купаться в холоде души,
Пропасть совсем и кануть весь
В сердечной вяжущей глуши!
А на меня дышал февраль,
Слегка морозило и дуло,
В глаза неслась чужая даль
И округлялась в стенки дула.
Нет, даже Гоголь не поймёт,
Откуда сумрак в наших душах,
Пока свой чайник Бегемот
Всё льёт, всё льёт,

а Мастер тушит.

Мы в наших трещинах квартир
Совсем не слышим и не видим.
И обживаем свой сортир,
Как близкий и понятный мир,
Но там февраль

уже

невидим...

«Высоту звенящего покоя...»

Высоту звенящего покоя
Выгибает радугой январь.
В синеве морозной за рекою
Ветками похрустывает хмарь.
Ты бежишь по узенькой тропинке,
Под тобой повизгивает снег,
На бровях замёрзшие росинки,
На губах аукающий смех...
Мимо, мимо... я стою опешив,
Глядя на хохочущий мираж.
Нет, – не ты...

Я снова безутешен
И январь под радугой – не наш...

«В тишине забытых лет...»

В тишине забытых лет
Странно выгнуто пространство:
Там, где нас давно уж нет,
Там —

любовь и постоянство.

Там большое и цветное
Счастье выткано над нами.
Горе —

краткое, смешное,

А надежда, как цунами!
В тишине забытых лет —
Там,

где нас

давно уж
нет.

«Сварливые чёрные птицы...»

Сварливые чёрные птицы
В проталинах солнечных дней
Пытаются солнца напиться
И всласть наклеваться теней...
И гомон, и шелест, и шорох
В минутном прошедшем дожде
Траву встрепенул разговором
И тени качнул на воде.
Промыто, проглажено лето,
И лето в крови, как вино.
В России не статья поэтом
Не многим беспечно дано.

«Тяжелый ветер прикосаний...»

Тяжелый ветер прикосаний
Опять уносит нас в безлюдье
И там растерянных бросает,
И —

будь, что будет,
будь, что будет!

Мы словно ждём, переживаем
В себе разлад,
как непогоду.

Душа гадает неживая,
Тасуя нервную колоду:
Налево туз,

направо дама,
Налево шесть,
направо туз...

Какая карточная драма!
Но я в глаза глядеть боюсь...
Боюсь, как ветра, —
прикосаний.

Боюсь —
вдвоём.

Боюсь безлюдий.
Опять нас кто-нибудь бросает,
И —

будь что будет,

будь что будет!

А мы всё ждём других прогнозов,

Спина к спине —

не развернуть.

Какая в нас метаморфоза!

Ещё дотерпим как-нибудь.

Похоже, мы в чужой колоде,

И не дотянется рука,

И вроде — жизнь,

надолго вроде,

Но...

не тасована пока.

«Вода ведёт и тихо тает...»

Вода ведёт и тихо тает
В зелёном голосе Земли.
Смотри, какая завитая
Опушка вздрогнула вдали.
Летит летенница росой
Сквозь пальцы света...
Но кто же ветряной косою
Подкашивает это?
Чья кучевая борода
Парит над нами?
Не разглядеть!

Но лебеда
Восторжится волнами.
И напрягаются леса,
Закинув кроны.
В глаза упали небеса,
Вот-вот утонут.
Забеспокоился испуг
В твоих ресницах.
Всё охристей закатный круг —
Спешишь проститься.

«Будто бы из милости...»

Будто бы из милости
По осенней сырости
В неуютность вечера
Ты меня излечивать
От моей угрюмости
Всё бежишь из юности, —
Нелюбимой,
 сорною,
Но такой
 упорною,
По ночам
 рыдающей,
Горем не горда
 ещё,
Хоть совсем уверена,
Что любовь потеряна...
А когда последняя
Ночь звучала летняя,
Ты меня,
 прозревшего
Отдала раскаянью,
И в осеннем таянье
Не было умершего...

«Я уходил, себя не помня...»

Я уходил, себя не помня,
И только катакомбы полдня
Всё уводили в сумрак слов,
И голоса сухие комья
Ссыпались в сна просторный ров...

Я убегал, ступни калеча,
Отмечен болью,
 не излечен
От невозможности молчать,
Что потушили сами свечи,
К замку подвесили
 печать.

Простой уход – обычный случай.
Но мучит памятью колючей
Прожитых лет вчерашний снег:
Колючий
 и такой летучий,
Не предвещавший наш побег.

«Ты придёшь ко мне этой ночью...»

Ты придёшь ко мне этой ночью
И отбросишь моё покрывало,
Снова ночь утопив в белых клочьях,
Чтобы ночь в темноте отливала
Пустоту
и предметность стекла,
Но не наши
глаза
и тела.

Ты придёшь ко мне, ожидаю,
Угадаю проснуться тогда я,
Как сотрётся граница подвоха,
Что темно и светло,
и не сонно
От тепла
тесноты
полутона.

Ты придёшь ко мне, не забудешь,
Не оставишь,
не бросишь во мраке,
Дабы я не пробыл непробуден,

Разгребая предчувствия знаки,

Разбивая

туманные

«если»

О твоё появление в кресле...

«Ну сколько можно...»

Ну сколько можно
Ползать по годам!
Весьма несложно
Сжечь весь этот хлам,
А прах развеять —
Прямо на закат,
Уже не смея
Веровать в возврат.
Ну сколько можно
Мять
 за годом
 год!
Уже возможно
Праздновать уход?

«Ночь нашёптывает шорох...»

Ночь нашёптывает шорох:
Темнота до черноты.
В межпланетных коридорах
Пропадём и я и ты.
Ночь дочитывает судьбы,
Только пальцами хрустит.
Разве мы друг другу судьи
В тесноте квартирных плит?
Ночь вычерчивает числа
У заснеженных террас.
Не спеши искать в них смысла,
Эти числа – не про нас.
Наша ночь ещё кочует
По неведомым мирам:
Тороплюсь зажечь свечу я —
Рано нам
 в межзвёздный храм!

«В мойке чашка, в чашке ложка...»

В мойке чашка, в чашке ложка,
В ложке розовая крошка.
Эта крошка от бисквита
Не случайно здесь забыта:
Тихой полночью из крана
Два весёлых таракана
Выпадали прямо в ложку
И съедали эту крошку.
Тараканам тоже нужен
Вкусный,
 сытный,
 сладкий ужин.

Из неведомых щелей
К ним являлся муравей,
Он свистел, кряхтел, но ойкнув,
Вдруг валился прямо в мойку.
Этот рыжий шустрый друг
Появлялся здесь не вдруг!
Но сегодня было странно —
Не явились тараканы,
Не явился из щелей
Рыжий шустрик – муравей.
Завибрировала ложка,
Закричала в ложке крошка:

«Я – племянница бисквита,
Не хочу быть здесь забыта!
Рыжий шустрик – муравей,
Появляйся поскорей!
Вы, извилины всех кранов,
Пропустите тараканов!»
Крошка вжалась,
 втерлась в ложку,
Только утром смыли крошку.
И не будет тараканов
Ни из шкафа, ни из кранов.
Не возникнет муравей
Из неведомых щелей.
С них теперь какой уж спрос —
Убаюкнул дихлофос,
Чтоб рассыпать их на крошки
Для неведомой им ложки.

«Пергамент сыра...»

Пергамент сыра,
 весь в слезах,
Врастает в матовость фарфора,
Салют свечей
 кружит в глазах
Лёд серебра
 витых приборов.
Вот и Бордо
 влилось в бокал,
Рубины рвутся
 в срезах граней,
У осетрины по бокам
Укроп лежит,
 как на диване,
Лимон,
 как горстка золотых,
Нарезан чуточку небрежно.
Блестящий стол!
Но что же ты
Так в нерешимости
 прилежна?
Вот сёмги
 замерший огонь,
Икра —

красней самой калины.

Твоя ладонь —

в мою ладонь...

И нам заветно у камина.

Нам подыграет и Отард,

И Эннеси с Сент-Эмильеном,

И виноград —

прелат отрад —

Своим хрустящим,

сладким пленом...

«Я просыпаюсь – это я! ...»

Я просыпаюсь – это я!
С экрана хрюкает свинья,
Ресницы машут с потолка...

Я их раскрою,

а пока

Скрипят тоскливые бока,
Как будто вёсла рыбака.

Моя тоска —

звезда моя!

Я —

это выдох!

Выплеск —

Я!

Я разливаюсь по себе,
Как годы льются по судьбе...

Мои ресницы на глазах!

Нет, мне не снится этот страх,

Я сам себя давно боюсь.

Нет, я не ворон и не гусь,

Я состою из сразу всех!

Я —

весь!

Я —

всё!

Но я не смех!

Я – вся вселенская тоска!

Но... почему скрипят бока?

Ах, не себя ль я раздавил?

Аз есмь поэт —

словесный

ил!

«Славословим лабуду...»

Славословим лабуду
В нашу общую дуду.
Будь же нынче и всегда
Славна наша лабуда!

«Светлый голос мостовых...»

Светлый голос мостовых,
Рижских улиц, —
 словно гаммы,
Нанизался на мосты
И —
 скользит вдоль Даугавы,
Где янтарь
 закатный блик

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.